

Анатолий
НОВОМЛИНЦЕВ

Из воспоминаний мальчишки Донбасса

О войне и оккупации: 1941 - 1943 годы

Как-то раз в майском номере журнале "Юность" я прочитал рассказ Дмитрия Тартаковского "Из воспоминаний мальчишки военной поры". С автором мы почти одногодки: в сентябре 2011 года мне "стукнуло" 80 лет; и сразу вспомнились мои мальчишеские годы войны, оккупации и послевоенных трудностей. В изложенном мною повествовании нет придуманных историй и эпизодов, - одна лишь правда. Итак, в сентябре 41-го мне было 10...

Конец мирной жизни

...Я учусь в третьем классе "русской школы", размещенной в одноэтажных бараках вдоль железнодорожных путей станции Никитовка. Это перекресток дорог Донбасса, крупного сортировочного узла с 16 колеями, что создавало для школы некоторые неудобства: гудели маневровые паровозы, слышался шум проходящих составов. Учебное здание находилось далеко от дома, и в первый класс меня водили, так как нужно было пройти несколько улиц и переулков. В их числе - "самую страшную" центральную улицу с интенсивным движением по шоссе Артемовск - Сталино (в 1961 году Сталино переименован в Донецк, а до 1924 года город имел название Юзовка). Отмечу, что меня и других детей отдали именно в "русские школы", хотя рядом и существовала не полностью укомплектованная "украинская", с высокими и светлыми классами, коридорами. Были и другие гримасы "украинизации"... К примеру, в моем паспорте записали "украинец", а же говорил только на русском. Ни мой отец - родившийся рядом в селе Зайцево, ни тем более мать - донская казачка, приехавшая для заработка "на шахты" в 17 лет и получившая паспорт всё с той же записью в графе "национальность", что иногда ее сместило и возмущало, не понимали украинского языка! Впрочем, как и большинство жителей Донбасса.

Мать, Евдокия Сазонова, трудилась на шахте имени Румянцева, а на работу ходила мимо дома на самой окраине города, который строили два брата: мой отец и дядя Коля. Естественно, статная черноволосая кареглазая казачка обратила на себя внимание отца. Было в ней, видно, что-то от Аксины, так как она всю жизнь читала

только "Тихий Дон" Шолохова и при этом всегда плакала...

Отец, Федор Яковлевич, был 15-м ребенком в большой крестьянской семье, где родилось 18 детей. Правда, видел я своих дядек и теток всего шестерых: остальные умерли или в младенчестве, или позже. Другие разъехались, а погибшего в Испании дядю Дмитрия я видел только на фотографии. Работал отец на станции Никитовка - как и многие, вначале кондуктором, затем начальником кондукторского резерва. Являясь секретарем парторганизации узла, отвечал за эвакуацию его оборудования на Урал при отступлении во время войны.

Федор Яковлевич вступил в партию, когда служил в Красной Армии и "гонялся" за басмачами. Никогда не говорил о том времени, но однажды я добился от отца грустного рассказа: "Мы рубили крестьян, а они - рубили нас!" Видно, что-то заставляло его не распространяться о "геройстве" при "рубке крестьян".

Для меня привычным было отсутствие отца в течение нескольких дней: его работа того требовала. Кондуктор подвижного состава - это не человек, проверяющий наличие билетов, как многие могут предположить. По "Уставу железных дорог СССР" (толстого тома!), все товарные составы должны были иметь вагон с площадкой, оборудованной ручным тормозом. Вот на этой-то площадке и сопровождал состав кондуктор с флажками и фонарями. Отца я больше помню читающим "Историю ВКПб": каждый год он сдавал экзамены. Не забывая его самодельный, маленький фанерный чемоданчик, всегда стоящий у входной двери коридора. Нам, детям, запрещалось его трогать и тем более открывать, но мы знали, что там было: белье, сухари, сахар и чай. В те годы многие ждали ареста...

Вторжение гитлеровских войск в Сталино (ныне - город Донецк)

«Айда на фронт!»

Каких-то конкретных, особых признаков войны не запомнилось. Первыми появились одиночные немецкие самолеты - высоко в небе, с белыми шариками от разрывов зенитных снарядов. Так как перекресток железных дорог Никитовки был для врага легкой мишенью, мы по-настоящему почувствовали войну при первой бомбардировке узла. Впервые было действительно страшно: ночью нас разбудил грохот, взрывы, дом встряхивало. Вместе с мамой и младшим братиком с ревом, криком и слезами забрались под кровать, так как до бомбоубежищ, вырытых в каждом дворе, добраться мы не успевали. Потом ночные и - изредка - дневные бомбардировки стали регулярными, взрывы случались не только на сортировочных путях станции: одна бомба даже "вырыла" яму глубиной метров пять в двухстах метрах от нашего огорода. Приближение фронта угадывалось по усиливающейся канонаде. А потом мы услышали стрельбу уже недалеко от дома, в районе "Холодильника" - длинного одноэтажного здания, стоящего вдоль ложбины с проходящей внизу веткой железной дороги. В школу уже не пускали: на улицах изредка свистели пули. Прячась за домами и заборами, наша неразлучная "тройка" - я, Жорка Галиченко, сосед и

командир, и Витька Вирютин - продолжала встречаться. Мы научились различать самолеты по звуку моторов: у наших - ровный, у немецких - волнообразный с завыванием. А ещё находили и выковыривали из стен пули. Они-то и "подсказали", что против советских войск наступают румынские. Блестящие, меньшего диаметра и длинные румынские пули контрастировали с нашими - обмеленными и короткими (но длиннее немецких раза в полтора).

Самый отчаянный и смелый среди всех мальчишек был Жорка. Два брата его сидели в тюрьме, он же учился уже в четвертом классе и верховодил в драках и "войнушках" между улицами. Однажды Жорка предложил: "Айда на фронт - постреляем из пулемета в немцев!" Это была наша давняя мальчишеская мечта - пострелять из пулемета, навеянная, наверное, еще Анкой-пулеметчицей из кинофильма "Чапаев". Гнетущего страха, что могут убить, насколько я помню, не было и в помине! И я с радостью согласился, несмотря на возможные последствия... Надо сказать, что мать наказывала старым "казачьим" способом: толстой мокрой скрученной веревкой. Белым днем, когда стрельбы почти не было, наш храбрый командир Жорка, а следом за ним я и Колька ползем по бе-

тонной отмытке высоко-го покоевого этажа с оконцами. Слева от нас - крутой спуск к рельсам железной дороги, вдалеке, за пустырем, - одноэтажные домики с засевшими здесь румынами на окраине Горловки. Изредка слышны выстрелы и пулеметные очереди, но далеко от нас. Я же вижу только подошвы Жоркиных ботинок. Вдруг я похолодел: ноги Жорки исчезли! И тут меня кто-то схватил за шиворот - я очутился в темноте. В подвале. В полумраке огромного подвала я увидел Жорку, Кольку и человек двадцать наших солдат. Страх сразу ушел: мы среди своих друзей! В центре светились дверцы "буржуйки" - железной печки, на длинном столе стояли сплюснутые гильзы с горящим фитилем, на полу гноилась горка махорки. Вдруг все вскочили - пришел какой-то высокий командир. Солдаты ему объяснили, что втащили трех папанов, а Жорка оправдывался: "Мы искали пулемет, чтобы стрелять по немцам!" Все посмеялись и попросили нас принести им мыла в обмен на махорку. Мы объяснили, что мыло у матери только жидкое в бутылках и оно очень дорогое, а нам от матерей достанется. Тем не менее пообещали помочь через курящих мужиков. Какой-то командир провел нас в лоцину железнодорожного пути и сказал: "Идите

по дороге и не выходите наверх!" Дома мы, конечно, никому не рассказывали о "походе на фронт".

Сам фронт, со всеми приметами - стрельбой, взрывами и криками "ура!" - не проходил через наши улицы. Но как-то вечером, в сумерках по переулку Вокзальному, шли наши солдаты, очень много военных, не строем, а какой-то колонной. Дом, где мы жили, стоял на углу улицы Артема и Вокзального переулочка. Стоим мы у ворот - мать, я и братик Гена четырех лет - и плачем, а проходящие солдаты нас успокаивают: "Мы вернемся!" В ту же ночь к дому подъехал грузовик, и отец с дядей Костей - другом отца и однополчанином, выгрузили и спрятали под углом в сарае мешок муки и большую миску-таз с белым смальцем, а в большой фанерный ящик в спальне засыпали картошку и покрыли толстым слоем кукурузного зерна. Дядю Костю я хорошо знал, так как он бывал в нашем доме на праздничных застольях, и мне доводилось частенько "скакать" у него на ноге. Сегодня в сквере у вокзала Никитовки есть обелиск с надписью: "Партизанам Донбасса - Приходько К.И." и еще четыре фамилии партизан, погибших в доме, оккупированном немцами. Так погиб дядя Костя!

(Продолжение следует)

Анатолий
НОВОМЛИНЦЕВ

Из воспоминаний мальчишки Донбасса

О войне и оккупации: 1941 - 1943 годы

(Продолжение.
Начало в № 24)

Жизнь «под немцем»

Дня два до появления немцев жители запасались, расхватывая и унося всё, что не успели увезти или сжечь наши при отступлении. Мать однажды с радостью принесла полмешка гороха, а я чуть не утонул в комнате, засыпанной наполовину просом! Не очищенное от оболочки пшено - это просо, очень скользкое, буквально протекающее сквозь пальцы. Я впрыгнул через окно в эту гору проса и в ужасе закричал: оказался по шею погружен в зерно. От полного погружения задержали ноги, которые упирались в пол комнаты. Мать вытащила меня из этой западни.

Отец эвакуировался на Урал, а мать с больным четырёхлетним Геней и мной не могла уехать и отказалась отправиться за ним в теплушке на четыре семьи: было уже довольно холодно, стоял ноябрь 41-го года.

В начале войны еще мало писали и говорили о зверствах фашистов, но то, что они убивали коммунистов и их семьи, матери и мне было известно, и, естественно, мы очень боялись прихода немцев. Это трудно передать словами, что чувствовал десятилетний пацан в то время! Мы уже не ходили "на раздачу" и не отрывались от окон, выглядывая появление немцев.

Это было страшно - внезапно днем, ближе к вечеру, на заснеженной улице появились немцы с автоматами на велосипедах! Поставив "транспорт" у заборов, они кучками пошли по хатам. Мы с матерью смотрели в окно, как у ворот, напротив нашего дома, сгрудились немцы и дед с тетками показывали на наш дом. Враги через переулок двинулись к нашему дому! Мать - в плач, я с братиком - в рев и сразу под кровать. Это были, наверное, самые страшные минуты моей жизни, особенно когда немцы вошли, направили на нас автоматы с криком: "Коммунист!" Тем не менее они не стреляли: вытащив нас из-под кровати, стали успокаивать. Как потом нам объяснили, фронтные немцы не убивали коммунистов и не издевались над народом - этим занимались другие службы фашистов. Новоявленные "гости", побро-

сав в кухне автоматы на кровать, окружили печку и стали греться. Один пожилой немец даже стал на табуретку и вытянул руки к потолку, ведь наверху был более теплый воздух, но мы-то, пацаны, об этом не знали, так что всё происходящее врезалось в память.

Когда вернулся отец и мать рассказала о соседях, указавших на нас немцам, он сказал: "Пусть живут!" Оказывается, дед, живущий напротив, был до революции хозяином большого "Конного двора" и имел магазин на центральной улице. У него все национализировали, и он считал виноватыми коммунистов - в частности, моего отца. Мы, пацаны, этого не знали, и конюшня горисполкома с двумя десятками лошадей, карет и повозок была для нашей тройки самым любимым местом встреч.

Проходили дни и месяцы... Мать не вызывали, и как-то испуг стал забываться, жизнь "под немцем" продолжалась.

Дядя Коля рассказывал, как его "демооблизовали": "Нас собрали в старой русской школе - и ни командиров, ни обмундирования, ни винтовок, ни питания! Два дня мы продавали свои домашние запасы, потом пришли немцы, переписали нас и отпустили по домам". Он стал работать, как и до войны, в депо по ремонту паровозов и переехал жить с "мамкой" Шурой, крестной, и двоюродным братом Ваней, моим одногруппником, во вновь построенный дом - рядом с домом моего деда в село Зайцево в трех километрах от нас. В их пустующей квартире почти постоянно жили немецкие солдаты, а в нашей большой комнате - спальне - иногда селились немецкие офицеры. Всекие встречались среди них: одни заигрывали со мной, другие были равнодушны, но особой злобы ко мне и матери я не чувствовал, хотя все время ощущал какую-то тревогу, ждал каких-то неприятностей: ведь я был сын коммуниста. За два года оккупации меня только раз немец ударил довольно больно сапогом по заднице: мы с Жоркой затолкали картофелину в выхлопную трубу крытого грузовика, стоящего у нас во дворе, и наблюдали из-за кустов за беготней водителя вокруг мотора. Он, конечно, догадался, кто это сделал, хотя инициатором этого "партизанского" действия был Жорка.

Донецк (бывший Сталино) в годы оккупации

Первые немцы-велосипедисты, по указанию соседа угрожавшие нам, "коммунистам", расстрелом, даже не заходили в спальню. Окружив печку, они любили греться. А поселившиеся следом в соседней квартире совершили "кражу" банки с манкой, стоящей на подоконнике. На кукурузу в ящике они не обратили внимания; и кукурузу и семечки подсолнуха немцы вначале презирали и не употребляли. Семечки они называли "сталинский шоколад" - с насмешкой, брезгливо, но через некоторое время я уже видел немцев, шелкающих немелю семечки, а молодую кукурузу обгладывали чуть ли не с кочанами. Кражу мать установила по крупе, рассыпанной на полу: видно, вор, засовывая в карман банку, рассыпал ее содержимое.

Лицо смерти...

Но были среди них и истинные фашисты, и я чуть было не погиб от одного такого. После ухода очередного постояльца, я, как обычно - раньше матери, "проверял" оставшееся после них: коробки от сигарет, лезвия бритв и другие, интересные для пацана, вещи. Однажды заскочил в спальню и чуть не обомлел от радости: на подоконнике стояла немецкая граната с длинной деревянной ручкой! Я рванул к ней - но тут мать схватила меня за руку и запретила ее брать.

Позвала немца из соседней квартиры. Тот подошел, осмотрел и сказал: "Шайзе!" Мы уже знали несколько иностранных слов, я ходил пару месяцев в третий класс немецкой школы, где основным предметом был разговорный диалог - и мы поняли эту распространенную среди немцев ругань: "Дерьмо!" Он сказал нам: "Век", то есть "Вон!", а сам осторожно взял пальцами гранату за верх ручки и вынес во двор. Приказав всем уйти подальше, он, раскачав гранату как маятник, кинул ее далеко в огород, в кусты. Граната грохнула, и взрывной волной опрокинула нашу деревянную уборную. Вот так мать спасла мне жизнь! А ведь тот фашист, что оставил гранату, знал: чтобы убраться с подоконника, мы возьмем ее... Малейший толчок - и последует взрыв. Фашист, одним словом!

Однажды утром по двору ходил мужик с белой повязкой на левом рукаве и приказывал всем идти на базар: "Там будут показывать партизан!" Так мы впервые узнали о немецкой полиции.

На краю базарной площади стоял высокий анкерный столб с проводами, на перекладине которого свисали две веревочные петли. На подвешенном к этому столбу грузике с откинутыми бортами стояли двое мужчин в белых кальсонах и рубашках с опущенными головами и

связанными руками - один пожилой, другой совсем мальчик. На груди у них висели надписи: "Я партизан". Женщины вокруг шептали в толпе: "Отец и сын!" Накинули петли на шею... Партизаны стояли молча, по избитым лицам и пятнам крови на белье было видно, что они очень измучены и еле держатся на ногах. Какой-то толстяк в очках прочитал приговор, соскочил с кузова, махнул рукой - и машина отъехала. Я тут уже не мог смотреть и ткнулся к матери. Крики, плач, шум. Мать прижала меня, и я на мгновение посмотрел на повешенных! Это ужасное мгновение, эти ужасные лица с высунутыми языками снились мне потом очень долго, а я кричал во сне и вскакивал! Так я, десятилетний пацан, впервые увидел, как вешают людей! Потом я увидел на этом же столбе повешенную женщину с надписью на груди: "Я воровка". А однажды постоялец-немец позвал меня и привел к поселку шахты Румянцева, где на трех перекладинах, опирающихся на три столба, попарно висели шесть человек - на груди пятерых висели надписи: "Я партизан", а на шестом: "Я повешен за то, что скрывал партизан". Шахты не работали, угля для печки не было, и мы ходили к терриконам шахт и собирали в отвалах кусочки угля. Это было довольно опасно. Террикон - это гора высотой

до полукилометра с крутым склоном под 45°, и при работающей шахте к ней вообще запрещалось подходить: с опрокинутой на самом верху вагонетки куски породы летели вниз с огромной скоростью! Но и при неработающей террикон подниматься на такую крутизну в поиске куска угля среди обломков породы очень опасно - срывающиеся со склона камни могли покалечить. За вязанку дров мать работала на разборке деревянных сараев на шахте Румянцева, я же "приносил" ей обед и под этим видом уносил доску или кусок бревна.

Сараи были недалеко от здания главного ствола шахты, и я дважды наблюдал, как людей бросали в нее. Несколько крытых машин въезжали во двор шахты, из них выскакивали немцы с автоматами, а одна заезжала вовнутрь здания ствола. Потом раздавались автоматные очереди, слышались истошные крики и плач. После изгнания немцев несколько месяцев из ствола шахты диаметром пять и глубиной 800 метров вытаскивали трупы и откачивали красную от крови и ржавчины воду. Эта вода, протекающая в речке Бахмутка села Зайцево, окрасила надолго берега в ржавый цвет: поливать грядки такой красной водой люди не могли и пользовались колесками.

(Продолжение следует)

Анатолий
НОВОМЛИНЦЕВ

Из воспоминаний мальчишки Донбасса

О войне и оккупации: 1941 - 1943 годы

(Продолжение.
Начало в № 24, 25)

Время бомбёжек, или Как выросли дети

Начали бомбить железнодорожный узел Никитовка уже наши самолеты, и эти налеты были чаще, интенсивнее и пострашнее немецких: шел конец 42-го - начало 43-го. Для защиты узла немцы за украинской школой, в городском парке, за земляным валом устроили зенитную батарею. Было это недалеко от нашего дома, так что при бомбежках к рокоту, вою моторов и грохоту взрывов добавлялись и залпы зенитных орудий.

В семи километрах от города, на каменистом покатом пригорке немцы "построили" ложный "железнодорожный" узел с движущимися вагонами, светофорами, зданиями: вечером с крыльца мы наблюдали это движение по светящимся огонькам.

Однажды днем мы с матерью тянули на двухколесной тачке урожай кукурузы с огородика за парком. Высоко в небе кружил наш самолет, и батарея лениво постреливала: вокруг почти неподвижного самолета появились белые бутончики разрывов. Судя по торчащим из-за вала стволам, батарея состояла из девяти орудий, ну а сколько там было пулеметов, мы не видели. Проехав под оглушительный грохот выстрелов орудий мимо батареи, мы с облегчением и радостью покатали под горку к дому. С пригорка я вдруг увидел три самолета, летящих почти над крышами домов в нашу сторону. На каждом блестело и сверкало по два огонька - они стреляли из пулеметов.

Мать толкнула меня в кювет и сама упала рядом. Земля задрожала - и мы оглохли от взрывов бомб, оброненных на батарею немцев. Очнувшись я от крика матери: она увидела кровь на моей ноге, малюсенький осколок черкнул по натянутой коже выше шиколотки, и рана была величинной со сливу. Я, конечно, в рев, мать чем-то заматала ногу, и мы быстро поехали домой.

Сидя на крыльце с уже перебинтованной ногой, вдруг услышал крики и плач в соседнем Жорки-

Когда начиналась бомбежка, земля дрожала и глохла от взрывов сброшенных бомб. Немцы никогда не обращали внимания на красные кресты и бомбили их всегда и везде - на поездах, зданиях, пароходах...

ном дворе. Прибежав туда, я увидел такое, что даже сейчас вспоминаю до слез. На земле у крыльца лежала восьмилетняя сестренка Жорки с развороченной грудью, в спинке девочки было маленькое отверстие. Очередь крупнокалиберного пулемета одного из трех самолетов, стрелявших по батарее и бомбивших ее, отрезала угол ставни окна, прошлась по стене и земле и остановилась на Тамаре, перебивавшей картошку у дома!

В трехэтажной украинской школе немцы расположили госпиталь и, как нам рассказали, на крыше нарисовали красный крест. Означало это, что школу бомбить не будут, следовательно, и наши дома, соседствующие с оградой школы. Зная это, немцы и батарею зениток расположили недалеко от школы, но наши летчики проявили смекалку и точность, отвлекли зенитников самолетом высоко в небе, подкрались над крышами домов днем и разбомбили батарею, рядом с немецким госпиталем.

Вокруг школы всегда ходил часовой с автоматом, но мы шастали во-

круг, однажды я даже нашел целую нераспечатанную пачку сигарет - а во время войны это была большая ценность! - а в выгребной яме видели страшную отрезанную руку. Для развлечения раненых немцы установили во дворе школы крупнокалиберный зенитный пулемет и развлекались стрельбой из него, не опасаясь, что русские уничтожат эту "огневую точку" и будут бомбить; рядом же госпиталь. В общем, чисто фашистская идеология: мы будем стрелять и убивать тебя, а ты нас не смей по международным законам! Немцы никогда не обращали внимания на красные кресты и бомбили их всегда и везде: на поездах, зданиях, пароходах.

Однажды ясным летним днем мы наблюдали, как над степью, километрах в пяти от дома, летели с запада на восток, возвращаясь с бомбежки, наши самолеты. На относительно небольшой высоте, парами, довольно медленно летели шесть наших тяжелых бомбардировщиков, а вокруг них роем кружились около двадцати советских истребителей. Немецких самолето-

тов не наблюдалось, зенитная батарея у школы была разгромлена, и наши пролетали довольно медленно и спокойно. А со двора школы слышались очереди крупнокалиберного пулемета: немцы госпиталя стреляли по самолетам! Вдруг один истребитель отделился от группы и в пикировании ударил по этому пулемету: мы видели огненные вспышки у его крыльев. Больше немцы в школе не стреляли, а изуродованный пулемет еще долго стоял во дворе после ухода немцев, и мы "целились" из него по врагу.

Нехитрые секреты выживания...

Как же мы, мать, я и братик Гена, выживали при немцах почти два года?.. Иногда помогали продуктами живущие в селе Зайцеве бабушка Мотя, мать отца, дядя Коля, а мать подрабатывала на разных работах. Но в основном, почти каждый день, она вязала большие пуховые платки с красивым орнаментом, даже завела двух "пуховых" коз, которых мы пасли и на зиму заготов-

ливали для них по два матраса листьев и кучу веток.

Мы с Геней собирали колоски после уборки (однажды я даже получил удар кнутом от конного охранника совхозного поля), собирали очистки картофельные на свалках; мать их мыла и варила суп. Однажды она продала платок - а это большие деньги - и отдала мне сверток с пачкой рублей, чтобы отнести домой. С радостным настроением и деньгами под мышкой я шел по переулку и вдруг услышал: "Киндер, хальт!" - это кричал немец.

Я оглянулся и обомлел - за мной дорожка была усыяна деньгами! Я в рев, но немец успокоил меня и помог собрать деньги. Мама не обнаружила недочасты: значит, мы с немцем собрали все до единой денежки. А в свертке было 800 рублей, что в пересчете означало четыре буханки хлеба!

Случались и радости в нашей мальчишеской жизни: мы с Жоркой нашли на обочине дороги в кустах магазинной обложке немецкого ручного пулемета с полной лентой патронов. Довольно тяжелую "каст-

рюлю", как мы ее условно называли, в отличие от диска нашего пулемета, мы тайно перенесли в бомбоубежище нашего двора.

Оно находилось рядом с решетчатой оградой школы, почти напротив госпиталя немцев, и мы решили 7 ноября 1942 года произвести салют! Тайно притащили и закопали до половины гильзу 76-миллиметрового снаряда на дне убежища. Вынув из ленты все патроны, из большей части удалили пули и высыпали порох в гильзу вперемешку с целыми патронами.

Вечером, в сумерках, в назначенный день мы подожгли порох в гильзе. Пламя взметнулось метров на десять, а потом начали стрелять патроны... Эффект был потрясающий! Мы с Жоркой и Коляном сидели в кустах и наблюдали за зрелищем. Радуюсь, мы как-то не задумывались и не боялись, что нас могут наказать за этот салют, и жестоко: ведь его смотрели сотни соседней горожан и немцы госпиталя.

Но немцы, наверное, понимали, что это мальчишеский салют к годовщине Октября, а не диверсия партизан. Подошел часовой в каске с автоматом, дождался конца салюта и ушел: ведь и среди них были тайные сторонники революционных преобразований в нашей стране!

Это лояльное отношение некоторых немцев к нашим людям я по-мальчишески чувствовал и по отношению к себе, и по отношению к пленному. У нас во дворе располагалась авторемонтная мастерская с громадной крытой машиной, в которой были установлены токарный и сверлильный станки.

Заправлял всем этим хозяйством, как ни странно, наш русский военнопленный - лейтенант Андрей. Никто его не охранял, и мы сдружились: я ему подносил ключи, "помогал", одним словом, а он за это, при испытании машины или мотоцикла после ремонта, сажал меня рядом, и мы ехали иногда за десятки километров от дома.

Однажды я заметил у него на глазах слезы, когда мы молча стояли в мотоцикле на пригорке и смотрели на восток!..

(Окончание следует)

Анатолий
НОВОМЛИНЦЕВ

Из воспоминаний мальчишки Донбасса

О войне и оккупации: 1941 - 1943 годы

(Окончание.
Начало в № 24-26)

Незадолго до освобождения...

Я частенько ходил за три километра в село к бабушке и там сдружился с ребятами. У соседского Сашки отец был взрывником на шахте. Он-то и показал мне эффективный способ использования детонаторов - их в шахтерском крае во время войны было предостаточно, а также бикфордова шнура. Подкладывание их на рельсы под колеса паровоза ничего не давало, кроме громкого взрыва и опасности быть наказанными. Просто взрывать, даже в воде, с поднятым буруном мути было неинтересно. Как подсказал Саша, если бросить детонатор с коротким горящим шнуром в воду на глубину не более 7-10 см, зрелище будет потрясающим: столбик воды взметнется на высоту до 10 м! К сожалению, Сашка погиб при "разборке" противотанковой мины. Из шести минеров остался в живых - один калека, а там мог быть и я! Страшно даже вспоминать об этом...

Отступления и бегства фашистов, прихода наших бойцов мы не наблюдали: перестрелок и взрывов на улицах не было, фронт проходил где-то в стороне, да и немцы как-то сразу исчезли из нашего поля зрения. Но дня за три до освобождения города я впервые за два года увидел наших солдат! Мне было уже 12 лет, и мы, соседские мальчишки и девочки, собирались на двух лавочках у ворот бабушкиного дома и дяди Колиного: инициаторами таких посиделок были я с двоюродным братом Ваней. Недалеко от нас был спуск с улицы к мосту через речку, и отсюда слышался рев поднимающегося мотоцикла. Удивительно: немцы были только в центре села, километра за три от нас, и на мотоциклах они никогда по деревенской улице не разъезжали, да и на машинах тоже! Яркая фара приближалась к нашей группе и остановилась. Когда слепящий свет погас, мы увидели троих наших солдат в касках и с автоматами. Они спросили нас о немцах - где они, сколько их. Потом сказали: "До скорой встречи!", развернулись и уехали по улице к мосту, а мы наблюдали, как за речкой на крутом подъеме дороги долго двигался светящийся лучик и доносился рокот мотора - это была наша разведка!

Смерть младшего братика

Я с болью вспоминаю: война и оккупация отняли у меня единственного любимого младшего братика Гену! Трагические обстоятельства его гибели были таковы, что понимаешь: была бы советская власть в то время - он был бы жив! При

эвакуации отца мы не могли ехать с ним, так как мать не захотела рисковать жизнью братика; у четырехлетнего Гены поднялась высокая температура, а ехать с больным ребенком несколько месяцев в теплушке было опасно. Маме удалось вылечить Гену... Но однажды, уже в 42-м году, он стал хрипеть, и мать, приняв это за простуду, обматывала ему шею и давала какие-то порошки. Как-то поздно ночью Гена стал задыхаться, плакать и кричать - пришлось срочно привести немецкого врача - офицера. Он осмотрел больного братика, выгнал меня и начал ругать маму по-немецки. Я в другой комнате понял, что время было упущено и надо было звать на помощь раньше. Что-то он там пытался делать с Геней, но через некоторое время ушел, хлопнув дверью. Я вбежал в комнату, увидел рыдающую маму, стоящую на коленях у кровати, на которой лежал без движения ребенок. Дальше я ничего не помню! Но именно тогда я и услышал страшное слово "дифтерит". Если бы тогда были советские врачи, мать наверняка бы вовремя обратилась к ним, а при немцах, да еще ночью?!

Так на меня, 11-летнего пацана, навалились тяжелые и страшные испытания: почти каждую ночь - бомбежки, изматывающие кошмары с образами повешенных людей и - внезапная гибель единственного братика, которую мы не смогли предотвратить.

Жизнь продолжается

Вскоре вернулся отец! Я пошел третий раз в третий класс во вновь построенную русскую школу: бараки старой железнодорожной немцы при отступлении сожгли. Красивую украинскую школу, трехэтажную, фашисты при отступлении тоже уничтожили, и мы еще пару лет карабкались, с риском для жизни, по ее обгоревшим стенам, разбирали кирпичи на продажу. Вдруг однажды нашли там птенца сычонка. Колька, держа его перед собой, разглядывал и восторгался его глазками и клювом. Сычонку Коля тоже понравился: своим загнутым клювом он вцепился в нижнюю губу мальчишки. Мы еле-еле расцепили их, Коля ревел: как объяснял, не от боли, а от страха наказания за испачканную кровью рубашку. Вообще-то эти развалины имели дурную славу: здесь происходили с пацанами несчастные случаи, а в подвалах школы - даже было совершено убийство, поэтому обломки разобрали и на их месте построили новый базар.

В эти военные и послевоенные года учеба в школе, да и в техникуме, запомнилась плохим снабжением. Я ходил несколько лет в дешевеньком, так называемом "лыжном"

Встреча советских войск в Сталино

Мемориал в Донецке: «Твоим освободителям, Донбасс!»

костюме и в перешитом из отцовской форменной шинели железнодорожника длинном пальто. А писали мы в так называемых "тетрадах": между печатными строками из газет. Мечтая о самолетах, мы с другом Валентином, соседом по деревенской жизни, пытались сдать вступительные экзамены в Ростовский авиастроительный техникум. Готовились в зале ожидания железнодорожного вокзала: место в общежитии давали только после сдачи экзаменов и зачисления. Невыспавшиеся и полуголодные (карточки отоваривали только по месту прописки), мы, естественно, баллов не набрали и вернулись домой. Случайно узнали, что недалеко от Никитовки "добирают" учащихся во вновь организованный Зуевский энергетический техникум.

Нас туда с радостью приняли, так как открытие учебного заведения задерживалось - группы были укомплектованы не полностью. Здания техникума и общежития только строились, и наш 1-й курс учился и жил в бывшем лагере для военнопленных немцев, в бараках-казармах. Отапливались длиннющие "классы" и комнаты общежития (на 20 коек в двух рядах) печью, но угля почти не было, и использовались доски и бревна с разбираемых вышек, ограды из соседних барачных. Многие из поселка брали дрова для растопки из этого лагеря, так что скоро топить печку стало нечем, и мы частенько сидели в классе одетыми, в шапках и рукавицах; даже чернила замерзали.

Карточная система позволяла - по утвержденным нормам -

менять продукты: например, мясо и масло - на сахар, что мы и делали... Питались в основном тюрею из хлеба, воды и сахара. Скажу честно, случалось и такое, что "подворовывали" у жителей дрова, "очищали" у рыбаков кубоши - "бочонки", плетенные из прутьев. Рыбаки нас по ночам ловили, но не били, а отводили в милицию. Оттуда и "освобождал" нас любимый директор техникума Мирон Моисеевич Райчев!

Потом начались незабываемые, чудесные дни студенчества: на втором курсе мы уже учились и жили в трехэтажных новых зданиях техникума и общежития! Так закончились мои мальчишеские испытания, страхи и удары судьбы и началась взрослая прекрасная жизнь...